

ПРОГНОСТИЧЕСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТЧУЖДЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Агамиров

Карэн

Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10).
E-mail: agamirow@yandex.ru;

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимосвязи личности и государства и поиску правовых средств преодоления отчуждения между ними.

Ключевые слова: *личность, гражданское общество, государство, публичная власть, право, закон, отчуждение.*

Отчуждение личности от государства как междисциплинарная проблема

Взаимосвязь публичной власти и гражданского общества многоаспектна. Первая является гарантом жизнедеятельности государства, предпринимает меры для защиты прав и свобод человека и гражданина, подводит под жизнедеятельность гражданского общества законодательную базу и служит залогом его безопасности, а роль гражданского общества состоит в согласовании частных и общих интересов с целью достижения гражданского согласия.

В современных условиях глобализации и виртуализации тотальное разобщение людей, их отторжение от окружающей действительности приобрело угрожающий размах. Особенное беспокойство вызывает отчуждение человека от государственно-правового пространства, его представление о публичной власти как некоем монстре, сметающем на своем пути все живое и трепетное. Вызванная хрупкостью гражданского мира настоятельная необходимость достижения между личностью и государством более или менее равновесного состояния представляется актуальной междисциплинарной проблемой философии, истории, теории, социологии, психологии права и отраслевых юридических дисциплин, а именно: философское осмысление феномена отчуждения в современном мире, его исторический контекст, теоретико-правовые основы, социальное измерение, правовая идентификация отчужденной личности как способ психологической защиты и законодательное преодоление этого феномена.

Последнее нацеливает на разработку комплекса правовых средств воздействия на политические, экономические, социальные и духовно-нравственные процессы, обеспечивающего формирование разносторонней и активной, творческой и законопослушной личности, соразмерное удовлетворение частных, групповых и об-

щих интересов с целью преодоления политико-правового отчуждения между публичной властью и гражданином.

Отчуждение личности от государства как фактор противоправного поведения

Проблема отчуждения личности поднималась и продолжает исследоваться в трудах философов и юристов, социологов и психологов. Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Т. Гоббс, К. А. Гельвеций, рассматривая общество как институт отчуждения, квалифицировали его социальные регуляторы (право, мораль, религия, искусство, обычаи и привычки) в качестве инструментов соединения желаний разных людей в одну общую волю, которая в итоге оказывается чуждой отдельному человеку, ограниченному заданными рамками, и превращенному в «дробную единицу». Завершающая стадия изолированности людей воплощается в деньгах – продукте взаимно отчужденных людей (М. Гесс. О сущности денег [1, с. 1 – 33]).

В гегелевском значении «Entfremdung» (нем. – отчуждение, отчужденность) характеризует лишь одну стадию развития мирового духа (духовной культуры человечества), связанную с антагонизмом государства и религии, «внутреннего» и «внешнего», т.е. с неразвитостью духовной культуры. Отчуждение преодолевается, снимается и сохраняется как таковое только в «памяти» человечества как предметный урок, из которого мировой дух сделал выводы. В «совершенном» государстве, проникнутым духом «подлинной религии», «Entfremdung» уже не может возникнуть [2, с. 143].

К. Маркс переводит направление исследования отчуждения в практическую плоскость, анализируя в «Экономико-философских рукописях 1844 года» вопросы отчужденного труда, который сопровождает рабочего от акта производства и производственной деятельности (деятельное отчуждение) до конечного результата в виде отчужденного продукта труда [3, с. 86 – 89]. В этой связи, отмечает Э.В. Ильенков, неправы философы, усматривающие в категории отчуждения в ее понимании К. Маркса только абстрактно-философские аббревиатуры и «пережитки» абстрактно-философской стадии развития его взглядов, которые можно устранить из состава зрелой концепции, без искажения ее подлинного смысла [2, с. 147].

Современные исследователи методологического значения наследия К. Маркса и капиталистической экономики в эпоху глобализации А. В. Бузгалин и А.И. Колганов используют категорию «отчуждение» по отношению к социальным процессам, направленным, по К. Марксу, на преодоление эксплуатации и социальное освобождение. Нынешний мир рассматривается ими как отчуждение, в котором сущностные силы преобразующего природу и общество человека делаются чуждыми для подавляющего большинства членов общества, так как присвоены доминирующей социальной системой, исповедующей разделение труда и отношения эксплуатации, обращающей человека-творца в раба внеличных сил [4, с. 435 – 461].

А. Курелла подходит к проблеме отчуждения комплексно, анализируя ее философские, политико-экономические, моральные, юридические, социологические и другие аспекты, выводящие на разграничение «своего» и «чужого» [5].

Отчуждение опутывает сознание современного человека и отстраняет его от действительности, настраивая на мрачное восприятие дня нынешнего и бесперспек-

тивность будущего. Ощущение бездушия окружающего мира и тотального одиночества смещает на периферию нормы права и морали, включая зеленый свет социальной аномии, разлагающей и дезинтегрирующей систему общепринятых ценностей и норм [6], оттеняющей невстроенность человека в общественные институты. В этой связи Ю. А. Тихомиров включает риск социального отчуждения в объект юридического прогнозирования, представляя его как результат недостаточного учета или анализа поведения социальных структур и общественных институтов [7, с. 15], а отчуждение граждан от власти рассматривает как важнейшую проблему регионально-го и мирового масштаба, требующую безотлагательного решения [8, с. 78].

На службе и в семье, в общественных и межличностных отношениях угнетенное сознание современного разобщенного homo sapien уводит его в унылую эфемерность, выход из которой он пытается найти в социальных сетях и скайпе, электронной и смс-переписке, прочих инструментах удаленного общения, нередко способствующих трансформации отчуждения в электронное рабство как завершающую стадию социальной аутизации в эпоху постинформационного общества. Не стоит, конечно же, сгущать краски, в этом мире много позитива и радости, однако следует признать, что проблема отчуждения людей друг от друга никогда так остро не стояла, как в наш век глобальной информатизации.

Отчуждаясь от государства и общества, человек утрачивает чувство принадлежности к этому миру, его одолевают беспокойство и всевозможные фобии. Тревожность не является беспредметным страхом: чувствительная личность ощущает приближающуюся опасность подсознательно и заменяет реальное сопротивление угрозе эмоциональным напряжением, выплеск которого может повлечь за собой отклоняющийся поведенческий акт.

При этом поведение отчужденной личности может и не носить противозаконного характера, а выражаться в не запрещенных правовыми нормами бытовом пьянстве, аморальных поступках и пр., а то и вовсе отличаться созидательной творческой креативностью (как пример - стиль жизни великого нидерландского художника Винсента Ван Гога, постоянно пребывавшем в пограничном состоянии, вдохновлявшем его на творчество). Однако в подавляющем большинстве необустроенность человека является причиной именно противоправного поведения, и в этой связи задача полноценного вовлечения личности в социальную действительность и переориентации ее на позитивные грани бытия является первостепенной задачей публичной власти и гражданского общества.

Отчужденная личность и неправовой закон

Публичная власть обладает монопольным правом на законодательство, и от того, как она его использует, зависят судьбы миллионов людей. Издавая нормативные правовые акты, публичная власть позиционирует себя в качестве определителя связи между необходимым и желательным, так как именно она выбирает из массы законопроектных вариантов наиболее, с ее точки зрения, подходящие. Право предполагает преодоление стены отчуждения, стремящейся установить между господами и рабами действительное различие, указывающей при этом в качестве виновницы

политического неравенства природу [9, с. 107], и направлено на индоктринацию социальных обязанностей – воспитание в духе социальной (в том числе политико-правовой) активности и ответственности одновременно.

Активность выражается в способности индивидуальных субъектов публично-го права к энергичным, целенаправленным и избирательным действиям в рамках имеющихся субъективных прав и юридических обязанностей в целях обеспечения и защиты прав и свобод человека, иных правовых ценностей, а также в целях формирования собственной личности, взглядов и установок [10, с. 242]. Ответственность предполагает адекватное и сдержанное восприятие действительности субъектами права, претворяющими правовые предписания в жизнь посредством правомерного поведения [11, с. 13].

Субъекты – частные граждане используют предоставленные управомочивающие предписания и исполняют обязывающие предписания (активная форма правового правомерного поведения), воздерживаются от реализации управомочивающих предписаний и соблюдают запрещающие предписания (пассивная форма правового правомерного поведения). Соответственно, субъекты – государственные организации и должностные лица призваны обеспечить реализацию гражданами управомочивающих предписаний, исполнение обязывающих предписаний и соблюдение запрещающих предписаний (в двух последних случаях включается механизм принуждения и ответственности) [12, с. 83].

Справедливый (правовой) закон направлен на предупреждение и преодоление отчуждения на всех его направлениях, среди которых можно выделить: отчуждение от участия в политической жизни (от выборов, от обсуждения законопроектов и пр.); отчуждение от правового общения, перерастающее в правовой нигилизм и его высшую стадию – отчуждение от уголовного законодательства и становление на преступный путь; отчуждение от собственности (неприятие частной собственности, возведение в абсолют уравнительного принципа распределения, синдрома «классового врага» и «классовой солидарности» и пр.); отчуждение от труда и от работодателя; отчуждение от духовно-культурной сферы; отчуждение от семьи и родственных связей; отчуждение от самого себя (самоотчуждение) и его высшая стадия – самоубийство.

Уровни отчуждения можно подразделить на начальный, средний, глубокий и необратимый, и законодатель призван ставить заслон на пути перевода отчуждения из одного уровня в другой, предупреждать правовые риски, связанные с отчуждением, выставлять т.н. прогностические буи (метки) отчуждения (юридическое прогнозирование как средство преодоления отчуждения), за которыми наступают антиправовые последствия.

Низкий минимальный размер оплаты труда, явно не соответствующие стоимости жизни пенсионные выплаты и социальные пособия (на детей, по инвалидности, безработице и пр.), фактическое отсутствие достойных бесплатных медицинских услуг, армия безработных, пенсионная реформа и пр. – это и есть прогностические буи, за которыми отчуждение «между дворцом и площадью» может вылиться в отчуждение на площади.

Являясь интегральной характеристикой представителей индивидуалистического общества, свидетельствующей об их оторванности друг от друга и от общества в целом, отражающей глубокие и болезненно переживаемые ими расхождения в мыслях, чувствах и поступках, отчуждение обнаруживает неодинаковость индивидов, стремящихся к преследованию своих собственных целей. Основу же отчуждения, по мысли А. А. Ивина, составляют отсутствие в открытом обществе долговременной цели, преобладающей над другими его устремлениями, и несовместимая с глобальной целью частная собственность [13, с. 2 – 3].

На повестке дня –преодоление отчужденности общественного бытия, подчиняющего личностные интенции человека внешним, чуждым для него силам, пронизывающего этот мир вообще и его российское подпространство в особенности отношениями отчуждения, превращающего труд соседей, родителей, детей, государство и Родину в нечто чужое и чуждое, и это понимают рабочий и учитель, врач и представитель «офисного планктона» [14, с. 155 – 166]. В этом плане окончательное снятие отчуждения выводит на задачу формирования таких условий труда и образования, внутри которых каждый индивидуум, а не только некоторые из них, сможет достичь подлинно современных высот духовно-теоретической, технической и нравственной культуры; лишь тогда он превратится в подлинного, а не формального хозяина созданного в рамках «отчуждения» мира культуры [2, с. 151].]. В этом смысле преодоление отчуждения можно рассматривать как новую цепь актов воспитания и самовоспитания народа, сопровождающих процесс создания нового, базирующегося на общественном труде хозяйства и непрерывно демократизирующегося государственного устройства как условий свободной и счастливой человеческой жизни и приобщения людей к богатствам искусственного окружающего мира [5, с. 202].

При этом автор настоящей статьи солидарен с А. В. Поляковым в том, что коммуникативная теория должна быть свободной от идеологической ангажированности, так как существующие в современном мультикультурном мире ценности не могут быть выстроены по единообразному шаблону, отделяющему истинные ценности от неистинных, но возражает против посылы, в соответствии с которым идеологизированные правовые теории, сужающие набор ценностных предпочтений, имеют меньшую научную значимость [15, с. 12].

Есть непреходящие ценности добра и справедливости, правды и честности, солидарности и товарищества, и если в государстве утверждается идеология, исповедующая эти начала, то ее следует только приветствовать. Автор убежден, что российское общество давно ждет провозглашения идеологического конструкта, способного, по мысли М. А. Супатаева, претендовать на объединение разнородных методологических и идеологических концептов правопонимания и дать целостное представление об обществе и праве (в качестве возможного примера он отводит новому идеологическому феномену роль, которая принадлежала в юридической науке времен СССР пусть ограниченной по своим эвристическим возможностям, но вполне добротной теории общественно-экономических формаций) [16, с. 91].

И хотя согласно ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, це-

лостная идеологическая доктрина, свободная от политической ангажированности и сиюминутных потребностей, соединяющая гуманистические и патриотические начала, отражающая место и роль Российской Федерации в современном многополярном мире, может стать цементирующей основой взаимодействия государства и гражданского общества и духовной мобилизации самых широких слоев населения, пребывающих сегодня в достаточно разобранном и отчужденном состоянии. Желание и потребность отстаивать ценностные ориентации и идеалы определяют социокультурное бытие человека и его жизненное предназначение.

Прогностическое значение подобной идеологической стратегии для преодоления отчуждения в том и состоит, что она, будучи мостиком от духовных чаяний людей к их прогрессивным правовым устремлениям в виде правовой идеологии, служит в итоге нормативным вектором, определяющим движение правовой системы в сторону законодательной упорядоченности социального взаимодействия [17, с. 94]. Будучи по сути нормативной, идеология предлагает идеал, который нужно реализовать. Она не является чистым сознанием, и создаваемые ею идеи и ценности могут приказать перейти к действиям [18, с. 85], т. е. к воплощению в нормативных правовых актах.

Нормативное преодоление отчуждения человека от государства как операциональной (упорядоченно-последовательной) парадигмы законодательного хаоса и совершенствование законодательного массива должно вестись по всем направлениям жизнедеятельности: цивилизационной, инвестиционной, управленческой, политической, экономической, социальной, духовной, мобилизационной, идейно-воспитательной, патриотической, с целью повышения коэффициента когерентного соответствия между субъектами права как оператора конъюнкции безконфликтного правового общения.

Жизнь современного человека – это его бегство в бесконечном пространстве от всепоглощающего времени с контейнером эфемерных желаний, котомкой реальных возможностей и полупустым узелком результативных свершений, и право призвано реализовать имманентно заложенные с нем аскрипции, стержнем которых является ожидание (ощущение) справедливости.

Литература

1. *Moses Hess. Über das Geldwesen.* In: Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform. Bd. 1. Darmstadt, 1845.
2. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
3. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 42.
4. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
5. *Курелла А.* Свое и чужое: новое к проблеме социалистического гуманизма / Пер. с нем. Т. А. Рябушкиной и Л. А. Киселева; под ред. и с предисл. д-ра философ. наук А. С. Богомолова. М.: Прогресс, 1970. – 279 с.

6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. – 432 с.
7. Регулирующее воздействие: методики и опыт / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юриспруденция, 2016. – 72 с.
8. Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2018. – 168 с.
9. Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Пер. с фр. И.А. Шапиро. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. – 265 с.
10. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / Под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Поволж. ин-т упр. им. П. А. Столыпина, 2013. – 402 с.
11. Агамиров К. В. Прогнозирование правового поведения. М.: Библио-глобус, 2017. – 400 с.
12. Агамиров К. В. Роль, значение и уровни правовой активности в механизме правореализации // Человеческий капитал. 2014. № 5.
13. Ивин А. А. Обнаженность и отчуждение. Философское эссе о природе человека. СПб.: Алетейя, 2015. – 320 с.
14. Бузгалин А. В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6.
15. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 575 с.
16. Сунатаев М. А. О постижении и познании правовых явлений. Становление цивилизационного подхода к праву // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1.
17. Агамиров К. В. Прогнозирование правовых рисков: в 2 т. М.: Русайнс, 2018. Т. 1. – 328 с.
18. Денкэн Ж.-М. Политическая наука / Пер. с фр. И.А. Говорова. М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. – 161 с.

Agamirov Karen Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).
E-mail: agamirow@yandex.ru.

PREDICTIVE AND LEGAL ASPECTS OF THE ALOOF PERSONALITY

Abstract

The interrelation of the public power and civil society is multidimensional.

Keywords: *personality, civil society, state, public power, right, law, alienation.*